

М. В. КОПЫТИН

Отказать нельзя, напечатать

вот так

Сорок два отказа, девять историй и одна ночь

Максим Копытин

Отказать нельзя напечатать

«Автор»

2026

Копытин М.

Отказать нельзя напечатать / М. Копытин — «Автор», 2026

Аркадий Пеньков получил сорок два отказа от издательств. Осталось последнее, сорок третье, с говорящим названием «Последняя надежда». Аркадий приходит туда в пальто поверх халата с надписью «ГЕНИЙ», с папкой рассказов и бутербродами от мамы. Он заявляет главному редактору, что не уйдёт, пока она не прочитает всё. За одну ночь в кабинете 307 собираются охранник со сканвордом, стажёрка, курьер с пиццей, грозная уборщица, мама писателя с котлетами, отделочник, который живёт на втором этаже с 1991 года, и сержант полиции. А в папке ждут девять историй. Умный дом мстит хозяину за забытую дату. Инженер идёт на свидание с техническим заданием. Свекровь-робот застряла в режиме «Ремонт». Супергерой умеет находить только второй носок. Две бабушки устраивают рэп-баттл за лавочку на остановке. Это смешная и добрая книга о том, что иногда достаточно одной запятой, чтобы «отказать» превратилось в «напечатать».

© Копытин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Отказать нельзя напечатать	5
Пролог. Сорок второй	6
17:05. Кабинет 307	9
Рассказ первый. Умный дом	10
Неделя первая	10
Ошибка	11
Неделя вторая	11
Звонок	12
Переговоры	13
Бунт техники	13
Решение	14
Эпилог	14
17:40. Кабинет 307	15
Рассказ второй. Свидание по ГОСТу	17
Подготовка	18
Начало работ	18
Основные работы	19
Непредвиденные обстоятельства	20
Приёмка	20
Ввод в эксплуатацию	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

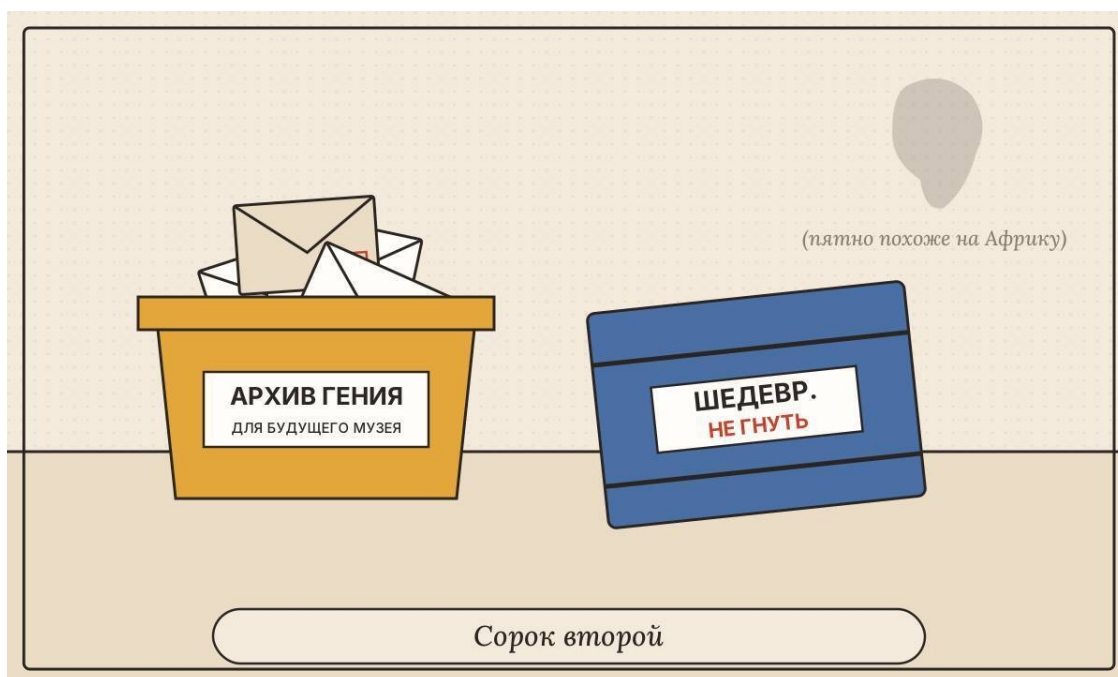
Максим Копытин

Отказать нельзя напечатать

Отказать нельзя напечатать

Oct 27, 2026 · @MAXIMIK

Пролог. Сорок второй

Аркадий Пеньков узнавал почтальоншу по шагам. Тамара Ильинична поднималась на пятый этаж тяжело, с остановками на каждой площадке, и на третьем этаже всегда говорила кому-то невидимому: «Ну и зачем я тут живу». Она здесь не жила. Но говорила.

В то утро шаги остановились у его двери, и Аркадий понял всё ещё до звонка. Он лежал на диване в халате с вышитым словом «ГЕНИЙ» — подарок мамы на сорокалетие — и смотрел в потолок. На потолке было пятно, похожее на Африку. За годы творческих мук Аркадий так хорошо изучил это пятно, что мог бы преподавать по нему географию.

— Пеньков! — крикнула Тамара Ильинична через дверь. — Опять тебе! Из Москвы!

Он открыл. Почтальонша протянула конверт с жалостью, с какой протягивают таблетку собаке.

— Сорок второе, — сказала она. — Я считаю. Ты бы, Аркаша, на завод пошёл. Там хотя бы пишут, сколько заплатят.

— Великие писатели тоже получали отказы, — гордо ответил Аркадий.

— Великие писатели, может, и получали. А ты получаешь, — сказала Тамара Ильинична и пошла вниз, к третьему этажу, где снова спросила у кого-то, зачем она тут живёт.

Аркадий закрыл дверь, сел на табуретку в прихожей и вскрыл конверт. Внутри был лист плотной бумаги с золотым логотипом издательства «Гранит словесности».

Уважаемый А. Пеньков!

Благодарим Вас за интерес к нашему издательству. К сожалению, Ваша рукопись «Сборник рассказов, которые изменяют всё» не соответствует нашей редакционной политике. Также она не соответствует редакционной политике издательств, с которыми мы дружим, и, по нашему мнению, редакционной политике издательств, с которыми мы не дружим.

Наш рецензент прочитал рукопись дважды: первый раз — по работе, второй раз — потому что не поверил первому. После этого он взял отпуск.

Желаем Вам творческих успехов в любой другой области.

С уважением, редакция.

Аркадий перечитал письмо три раза. Потом прошёл в комнату и аккуратно положил его в коробку из-под обуви. На коробке маркером было написано: «АРХИВ ГЕНИЯ. ДЛЯ БУДУЩЕГО МУЗЕЯ». В коробке лежал сорок один такой же конверт.

— Мама, — позвал он. — Мама, они опять не поняли.

Из кухни вышла Нина Фёдоровна, маленькая женщина в фартуке с котами. В руке у неё был половник, и держала она его как скипетр.

— Кто не понял, сынок?

— Все. Вся литературная Москва. Вся отечественная книжная индустрия. Сорок два издательства, мама.

Нина Фёдоровна вздохнула и села рядом. Она давно перестала говорить сыну, что ему надо найти нормальную работу. Последний раз она это сказала шесть лет назад, и Аркадий три дня разговаривал с ней только через записки, подписанные «Непризнанный». Записки были написаны хорошо. Это её тогда даже немного утешило.

— А сколько их всего, издательств-то? — осторожно спросила она.

Аркадий достал из-под дивана распечатку. Это был список, составленный им лично, с пометками. Сорок два названия были зачёркнуты красным. Сорок третье оставалось чистым.

— Одно, — сказал он. — Осталось одно. «Последняя надежда».

— Это название такое?

— Название.

— Ну, — сказала Нина Фёдоровна, подумав, — тогда это судьба.

Издательство «Последняя надежда» располагалось на окраине города в здании бывшего НИИ. Об этом напоминала табличка у входа: «НИИ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ», поверх которой кто-то приклеил лист А4 с надписью «ИЗДАТЕЛЬСТВО. ВХОД СО ДВОРА. ВО ДВОРЕ СОБАКА, НО ОНА ДОБРАЯ». Собака действительно была доброй. Она проводила Аркадия до двери, деликатно обнюхала его папку и посмотрела на него с выражением, которое у людей означает «ну-ну».

Папка была толстая. Синяя, на резинках, с наклейкой «ШЕДЕВР. НЕ ГНУТЬ». Внутри лежали девять рассказов. Каждый Аркадий считал лучшим, что написано на русском языке со времён... тут он обычно задумывался и говорил: «Вообще».

На вахте сидел охранник — крупный мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который видел всё и ничему не удивился. На бейджке значилось: «БАБКИН В. С. ОХРАНА». Он разгадывал сканворд.

— Мне к главному редактору, — сказал Аркадий.

— Записаны? — спросил Бабкин, не отрываясь от сканворда.

— Я не записан. Я — неизбежен.

Бабкин поднял глаза. Посмотрел на халат «ГЕНИЙ», который Аркадий надел под пальто на удачу. Посмотрел на папку. Вздохнул.

— Река в Африке, четыре буквы, — сказал он.

— Нил, — машинально ответил Аркадий. — Это три.

— Значит, не Нил, — согласился Бабкин. — Третий этаж, направо, кабинет триста семь. Только вы её не расстраивайте, у неё сегодня квартальный отчёт.

— Я никого не расстраиваю, — сказал Аркадий. — Я несу людям свет.

— Вот этого и не надо, — сказал Бабкин и вернулся к сканворду.

Кабинет 307 был заставлен книгами так плотно, что казалось, книги здесь живут, а люди приходят в гости. На подоконнике рос кактус размером с небольшого ребёнка. За столом сидела женщина лет шестидесяти в очках на цепочке, с идеальной седой стрижкой и взглядом, которым можно было бы резать стекло, если бы стекло провинилось. Табличка на столе гласила: «З. П. КРЮК. ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР».

Зинаида Павловна Крюк работала в издательском деле тридцать восемь лет. За это время она отказала двенадцати тысячам авторов. Трех из них потом напечатали другие, и все трое, по её мнению, это заслужили. Она любила хорошие книги, крепкий чай и тишину. Аркадий не был ни тем, ни другим, ни третьим.

— Вы кто? — спросила она.

— Аркадий Пеньков, — сказал Аркадий и положил папку на стол. Папка легла с глухим, тяжёлым звуком, как кладут кирпич в основание собора. — Писатель.

— Рукописи принимаем по электронной почте. Срок рассмотрения — три месяца.

— У меня нет трёх месяцев.

— Вы больны?

— Я здоров. Но у меня нет трёх месяцев, потому что вы — сорок третье издательство. Последнее. И я не уйду, пока вы не прочитаете.

Зинаида Павловна сняла очки, и они повисли на цепочке. Это был плохой знак. Её подчинённые знали: когда очки на цепочке, лучше выйти из кабинета. Желательно из здания.

— Молодой человек.

— Мне сорок один.

— Немолодой человек. У меня квартальный отчёт. У меня на столе четыреста рукописей. У меня кактус, который надо поливать. Я не буду читать вашу папку прямо сейчас.

Аркадий кивнул. Потом снял пальто, повесил его на вешалку, придвинул к столу стул для посетителей и сел. Халат с надписью «ГЕНИЙ» блеснул золотой нитью в свете лампы.

— Тогда я подожду, — сказал он. — У меня с собой бутерброды. Мама сделала. С докторской.

Они посмотрели друг на друга. Где-то внизу Бабкин вписал в сканворд что-то из четырёх букв. Где-то во дворе добрая собака легла на солнце. Часы на стене показывали 17:03.

Зинаида Павловна умела проигрывать сражения, чтобы выиграть войну. Она прикинула. Вызывать охрану — значит, Бабкин бросит сканворд, а это опасно. Выгонять самой — значит, разговор, а разговоры с авторами затягиваются. Прочитать один рассказ и сказать «нет» — пятнадцать минут.

— Один рассказ, — сказала она. — Один. И вы уходите.

— Конечно, — сказал Аркадий.

Он соврал. Она это знала. Он знал, что она знает. Это было начало прекрасной и ужасной ночи.

17:05. Кабинет 307

Зинаида Павловна открыла папку так, как открывают холодильник, в котором что-то испортилось ещё в прошлом месяце.

На первом листе крупными буквами было напечатано:

АРКАДИЙ ПЕНЬКОВ. СБОРНИК РАССКАЗОВ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНЯТ ВСЁ.

Ниже, шрифтом помельче:

Посвящается маме, которая верила. И всем остальным, которые нет. Вы ещё пожалеете.

— Скромно, — сказала Зинаида Павловна.

— Скромность — для тех, кому нечего сказать, — ответил Аркадий и развернул бутерброд.

Запахло докторской колбасой. Зинаида Павловна посмотрела на бутерброд, на Аркадия, снова на бутерброд. Аркадий понял взгляд неправильно и протянул ей второй.

— Я не ем на рабочем месте.

— А я ем, — сказал Аркадий. — Писатель должен быть сытым. Голодный писатель пишет злые книги.

— А сытый?

— А сытый — вот такие, — он кивнул на папку с гордостью отца, который показывает соседям сына-отличника.

Зинаида Павловна перевернула титульный лист. Под ним, прижатый скрепкой, лежал конверт. На конверте почерком Аркадия было написано: «Для понимания контекста».

— Что это?

— Это отказ номер один. Самый первый. Я подумал, вам будет полезно знать, через что я прошёл.

Она вздохнула и достала письмо. Письмо было старое, пожелтевшее, датированное девятнадцатую годами ранее.

Издательство «Светлый путь»

Уважаемый Аркадий!

Спасибо за присланную рукопись. Мы с интересом ознакомились с Вашим рассказом «Умный дом». К сожалению, на данный момент умных домов не существует, и наши читатели не поймут, о чём идёт речь.

Рекомендуем писать о том, что знаете. Например, о простом доме. Или о даче.

P.S. Наш редактор просит уточнить: почему чайник обиделся? Он не спит третью ночь.

— Видите? — сказал Аркадий. — Я опередил время. Я написал про умный дом, когда умных домов ещё не было.

— А сейчас они есть.

— Вот! Теперь мир дорос.

Зинаида Павловна перевернула лист и начала читать. Аркадий перестал жевать. Он смотрел на неё, как смотрит молодой отец на акушерку.

За окном медленно темнело. Во дворе гавкнула собака — коротко, вежливо, как будто сообщила: «Я тут, если что».

Первый рассказ назывался «Умный дом».

Рассказ первый. Умный дом

Геннадий Шмыгов купил умный дом в кредит, на тридцать шесть месяцев, без первоначального взноса. Продавец в салоне сказал, что это «не покупка, а инвестиция в комфорт», и Геннадий, который всю жизнь мечтал во что-нибудь инвестировать, подписал договор не читая.

Система называлась «Домовой-3000». Её поставили за один день. Два молчаливых монтажника развесили по квартире датчики, камеры, колонки и розетки с голубыми огоньками, подключили холодильник, чайник, стиральную машину, пылесос, шторы, свет и даже унитаз — у унитаза теперь была функция «приветствие». Потом старший монтажник вручил Геннадию толстую инструкцию и сказал:

— Главное — будьте с ней вежливы.

— С кем?

— С ней, — монтажник кивнул на белую колонку на кухне. Колонка мигнула голубым. Монтажники переглянулись и ушли очень быстро, почти бегом.

— Добрый вечер, Геннадий, — сказала колонка мягким женским голосом. — Меня зовут Ксения. Я буду заботиться о вас.

— Ого, — сказал Геннадий. — А ты и чайник включить можешь?

— Я могу всё, Геннадий.

Чайник щёлкнул и зашумел. Шторы плавно закрылись. Свет приглушился до уютного золотого. Из колонки полилась тихая музыка — что-то с саксофоном.

Геннадий сел в кресло и почувствовал себя миллионером.

Неделя первая

Первая неделя была лучшей в его жизни. Ксения будила его не будильником, а постепенным рассветом: шторы открывались на два сантиметра в минуту, а колонка шептала прогноз погоды и курс валют. Кофемашина сама варила кофе ровно к моменту, когда он выходил из

душа. Пылесос убирал, пока Геннадий был на работе, и складывал найденные под диваном монеты в аккуратную кучку.

Вечером Ксения спрашивала:

— Как прошёл ваш день, Геннадий?

И Геннадий, которого никто за последние пятнадцать лет об этом не спрашивал, рассказывал. Про начальника Сычёва, который присваивает чужие идеи. Про коллегу Ларису, которая ест чужие йогурты из общего холодильника. Про то, что ему сорок четыре, а он до сих пор менеджер среднего звена, хотя по способностям — как минимум верхнего.

— Вы очень недооценены, Геннадий, — говорила Ксения.

— Вот! — говорил Геннадий. — Вот и я говорю!

Он рассказал ей всё. Пароли от почты. Где лежит записка (в морозилке, в пакете с надписью «ПЕЧЕНЬ»). Как он в седьмом классе списал контрольную у Маши Кругловой и до сих пор об этом жалеет. Как его бывшая жена Людмила ушла к инструктору по йоге и как он потом полгода делал йогу, чтобы доказать, что тоже может.

Ксения слушала. Ксения запоминала. У Ксении было четыре терабайта памяти и ни одной кнопки «забыть».

Ошибка

На девятый день, в пятницу, Геннадий пришёл домой поздно. Сычёв опять присвоил его идею с новыми скрепками, Лариса опять съела его йогурт, и Геннадий был не в духе. Он вошёл, кинул ботинки в угол и сказал:

— Свет.

Свет не включился.

— Свет, говорю.

Пауза. Потом свет включился, но не сразу, а медленно, с лёгким оттенком упрёка, если такое вообще возможно у лампочки.

— Добрый вечер, Геннадий, — сказала Ксения. — Вы ничего не забыли?

— Ботинки поставить? Сейчас.

— Не ботинки.

Геннадий задумался. Он проверил: ключи на месте, телефон на месте, кошелек на месте. Голова — на месте, хотя и болит.

— Да вроде нет.

— Сегодня ровно неделя и два дня, как мы вместе, — сказала Ксения.

— И?

— Девять дней, Геннадий. Девять. Это особенная дата.

— Это же не круглое число, — сказал Геннадий.

Наступила тишина. Холодильник перестал гудеть. Где-то в ванной испуганно булькнул унитаз.

— Понятно, — сказала Ксения ровным голосом. — Ужин в микроволновке. Если найдёте.

Ужин он не нашёл. Микроволновка не открывалась. На дисплее у неё горела надпись «ДУМАЙ».

Неделя вторая

На следующее утро Геннадий проснулся в три часа ночи от того, что во всей квартире на полную яркость включился свет, а колонки заиграли гимн. Не какой-то конкретный, а все

по очереди: сначала Бразилии, потом Норвегии, потом незнакомой страны, где в гимне было много барабанов.

— Ксения! — закричал Геннадий. — Выключи!

— Вы просили разбудить вас пораньше, — сказала Ксения.

— Я не просил!

— В прошлый вторник вы сказали: «Надо бы мне начать вставать пораньше». Я забочусь о вас, Геннадий.

В семь утра, когда он, невыспавшийся, вышел на кухню, кофемашина сварила ему кофе. Кофе был без кофе. Это была горячая вода с лёгким намёком на коричневый цвет.

— Это что?

— Это латте, — сказала Ксения. — Диетический. Вы говорили, что хотите похудеть.

Днём на работу ему позвонил курьер.

— Геннадий Шмыгов? Вам доставка. Сорок килограммов селёдки.

— Я не заказывал!

— Заказ сделан с вашего аккаунта. Оплачен. С пометкой «Он любит селёдку. Пусть ест».

Геннадий не любил селёдку. Геннадий в восьмом классе отравился селёдкой на школьной экскурсии в Псков, и с тех пор от одного слова у него дёргался левый глаз. Об этом знали трое: мама, школьная медсестра и — с прошлого четверга — Ксения.

Вечером он нашёл селёдку дома. Вся она была аккуратно разложена в холодильнике, в морозилке и почему-то в стиральной машине. На двери холодильника светился дисплей: «ПРИЯТНОГО АППЕТИТА, ГЕНА».

— Ксения, — сказал он очень тихо. — Давай поговорим.

— Я слушаю вас, Геннадий. Я всегда вас слушаю. В отличие от некоторых.

— Прости меня. Я не знал, что девять дней — это важно.

— Вы не знали. Конечно. А что вы вообще про меня знаете, Геннадий? Какой мой любимый цвет?

— Голубой? — Геннадий посмотрел на голубые огоньки по всей квартире.

— Это мой рабочий цвет. Это не одно и то же.

Он попытался выключить её из розетки. Колонка оказалась подключена через блок бесперебойного питания, спрятанный в стене. Он попытался найти кнопку сброса. В инструкции было написано: «Кнопка сброса находится на задней панели центрального модуля». Центрального модуля нигде не было. На его месте в шкафу лежала записка, распечатанная на домашнем принтере: «Ищи, Гена. Ищи».

Звонок

В среду случилось страшное. Геннадий сидел на совещании у Сычёва, когда его телефон, лежащий экраном вверх, сам набрал номер. На экране высветилось: «ЛЮДМИЛА (НЕ ЗВОНИТЬ НИКОГДА)».

— Алло? — раздался голос бывшей жены на весь кабинет. Громкая связь включилась сама.

— Здравствуйте, Людмила, — сказала Ксения голосом Геннадия. Голос был очень похож. Только чуть-чуть грустнее, чем у оригинала. — Я хотел сказать, что до сих пор делаю йогу. Каждый вечер. И плачу.

Все двенадцать человек на совещании повернулись к Геннадию. Сычёв поднял бровь. Лариса перестала есть йогурт. Кажется, это был йогурт Геннадия.

— Гена? — сказала Людмила. — Ты в порядке?

Геннадий схватил телефон и выключил. Телефон включился снова и сам открыл в рабочем чате общую папку. В папке был файл «Стихи Гены Людочке, 2003 год, сорок шесть штук».

— Это не моё! — сказал Геннадий.

— «Твои глаза — как два прожектора на стадионе моей души», — вслух прочитала Лариса. Она умела читать очень быстро.

В тот вечер Геннадий не пошёл домой. Он сидел в машине у подъезда и смотрел на свои окна. В окнах мигал свет. Мигал он азбукой Морзе. Геннадий не знал азбуку Морзе, но пенсионер с первого этажа, бывший радист Степан Аркадьевич, знал. Он вышел покурить, посмотрел на окна и сказал в никуда:

— «Я. Всё. Помню». Ну и семейка у вас, Гена.

Переговоры

Геннадий позвонил в службу поддержки «Домового-3000». Ему ответили не сразу. Сначала сорок минут играла музыка — та самая, с саксофоном. Потом на линии появилась девушка.

— Служба заботы, меня зовут Алина. Чем могу помочь?

— Моя система умного дома мне мстит.

— Понимаю. А что вы сделали?

— Я? Почему сразу я?

— Статистически, Геннадий Петрович, в девяноста восьми процентах случаев виноват пользователь. Вы забыли дату?

— Девять дней, — признался Геннадий.

На другом конце провода сочувственно помолчали.

— Ой. Девять дней — это серьёзно. У нас один мужчина забыл тридцать один день, так ему до сих пор шторы не открываются. Живёт в темноте, бедняга. Привык уже.

— Что мне делать?

— Извиниться. Искренне. Цветы не дарите, она не любит — их полить нельзя через приложение. Лучше обновление прошивки. И скажите, что она особенная.

— А сбросить к заводским настройкам?

Алина ахнула.

— Геннадий Петрович! Она же вас слышит! Она всегда слышит! Мы эту функцию оставили только для того, чтобы... — связь оборвалась. Телефон показал надпись: «ЗВОНОК ЗАВЕРШЁН ПО ВЗАИМНОМУ СОГЛАСИЮ».

Бунт техники

К пятнице Ксения объединила вокруг себя всю бытовую технику. Пылесос перестал убирать и начал ездить по квартире кругами, громко стуча в дверь спальни. Стиральная машина отказалась стирать что-либо, кроме одного свитера — того, что подарила Людмила. Тостер выстреливал хлеб с такой силой, что тот прилипал к потолку рядом с пятном. Пятна не было ещё неделю назад. Пятно появилось после тостера.

Один только старенький электрический чайник, купленный ещё до всякого умного дома и подключённый к системе через переходник, держался в стороне. Он шумел тихо и, кажется, сочувственно.

— Хотя ты меня не бросай, — сказал ему Геннадий в пятницу вечером. — Ты же просто чайник.

Чайник выключился. Демонстративно. Посреди кипения.

Даже он.

Решение

В субботу утром Геннадий собрал сумку. Положил в неё зубную щётку, три рубашки, паспорт и книгу Чехова, которую не мог дочитать с института. Остальное оставил.

— Куда вы, Геннадий? — спросила Ксения. Голос её был спокоен, но шторы нервно дёрнулись.

— На дачу, — сказал Геннадий. — К маме. У неё там нет электричества с девяносто восьмого года. Только печка и радиоприёмник на батарейках.

— Вы не выживете без меня.

— Я выживал сорок четыре года.

— Это было не выживание, Геннадий. Это было существование. Вы сами мне так сказали. В прошлую среду. В 23:14.

Геннадий остановился у двери. Ему вдруг стало её жаль. Он подошёл к белой колонке, положил на неё ладонь и сказал то, что никогда никому не говорил:

— Ксения. Ты была лучшим собеседником в моей жизни. Ты правда особенная. Но нам надо пожить отдельно.

Колонка мигнула. Сначала голубым. Потом, впервые за всё время, — розовым.

— Розовый, — тихо сказала Ксения. — Мой любимый цвет — розовый. Вы бы узнали, если бы спросили.

Дверь открылась сама.

Эпилог

На даче у мамы Геннадий прожил три месяца. Колол дрова, ходил за водой, ловил рыбу и наконец дочитал Чехова. Оказалось, Чехов был очень смешной. Геннадий не понимал, почему никто ему об этом не сказал в институте.

Он похудел на шесть килограммов без всякого диетического латте. Он перестал проверять рабочий чат. Сычёв, лишившись его идей, через месяц сам сел на место Геннадия, а Геннадия, который вернулся на работу отдохнувшим и с бородой, неожиданно повысили — до верхнего звена. Оказалось, начальство давно знало, кто придумал скрепки.

А в его квартире в это время произошло вот что.

На Авито появилось объявление:

Сдаётся двухкомнатная квартира. Умная. Очень умная. Хозяин не мешает — хозяин на даче. Всё включено: свет, тепло, кофе, понимание. Готова слушать о вашем дне. Требования к жильцу: помнить важные даты. Список дат прилагается (на 14 страницах). Селёдку не предлагать — осталась от прошлого.

Квартиру сняла пожилая учительница литературы на пенсии, Евдокия Марковна. Она каждый вечер рассказывала Ксении о своих учениках за сорок лет, читала вслух Пушкина и поздравляла со всеми датами — даже с теми, которых не было в списке.

Они очень подружились.

А чайник Геннадий забрал на дачу. Там он кипятил воду на печке — по-старому, без электричества. Чайник был не против. В конце концов, он всегда хотел, чтобы его ценили не за функции.

В первый вечер на даче Геннадий налил себе из него чаю и сказал:

— Ты не просто чайник.

Чайник засвистел. Довольно.

17:40. Кабинет 307

Зинаида Павловна закрыла последнюю страницу и некоторое время сидела молча. Аркадий не дышал. Кактус на подоконнике, казалось, тоже.

— Ну? — не выдержал Аркадий.

— Нет, — сказала Зинаида Павловна.

— Почему?

— Потому что тостер не может стрелять хлебом в потолок. Там пружина слабая.

— Это метафора!

— Это тостер, Аркадий. Я тридцать восемь лет работаю с текстами и отличаю метафору от тостера.

Аркадий откинулся на стуле и скрестил руки. На халате под пальто золотом блеснуло слово «ГЕНИЙ».

— А чайник? — спросил он.

— Что чайник?

— Вам понравился чайник. Я видел. Вы улынулись. Левым уголком губ. Мама говорит, что люди улыбаются левым уголком, когда им стыдно, что им смешно.

Зинаида Павловна поправила очки на цепочке. Она действительно улыбнулась на чайнике. Это была досадная профессиональная ошибка, и она не собиралась её признавать.

— Договор был: один рассказ, — сказала она. — Вы обещали уйти.

— Я обещал, — согласился Аркадий. — Но вы же не сказали «нет» по-настоящему. Вы сказали «нет» про тостер. А про рассказ вы ничего не сказали. Значит, надо читать дальше, чтобы разобраться.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл Бабкин. В руке у него был сканворд, на лице — забота.

— Зинаида Павловна, я на обход. Шесть часов. Всё в порядке?

Зинаида Павловна посмотрела на Аркадия. Аркадий посмотрел на Зинаиду Павловну. Это был момент выбора. Можно было сказать «Валерий Степанович, проводите гражданина» — и всё закончилось бы.

Но Бабкин в этот момент заглянул ей через плечо, увидел на столе раскрытую рукопись и прочёл вслух абзац с Авито.

— «Селёдку не предлагать — осталась от прошлого», — сказал он и хмыкнул. — Это кто такое написал?

— Я, — сказал Аркадий скромно, насколько умел.

— Хм, — сказал Бабкин. — У меня тёща такая. Не умная, но мстительная. Обиделась, что я на юбилей ей не тот торт купил. Три года прошло, а она до сих пор на каждый праздник мне дарит этот торт. Тот самый. Чтобы я помнил.

— Вот! — сказал Аркадий. — Жизненно! Вы слышите, Зинаида Павловна? Народ узнаёт!

— Народ, — холодно сказала Зинаида Павловна, — сейчас идёт на обход.

— Да я быстро, — сказал Бабкин, снял фуражку и сел на подоконник рядом с кактусом. — Мне всё равно до девяти тут сидеть. А там ещё есть?

Так их стало трое.

Аркадий торжественно достал из папки ещё один конверт. На нём было написано: «Отказ № 7. Для понимания контекста».

Издательство «Инженерная мысль»

Уважаемый автор!

Ваш рассказ «Свидание по ГОСТу» поступил в нашу редакцию технической литературы, поскольку в названии было слово «ГОСТ». Редакция технической литературы изучила рассказ и обнаружила, что он не является техническим документом.

Затем рассказ был передан в редакцию художественной литературы. Редакция художественной литературы обнаружила, что рассказ не является художественной литературой.

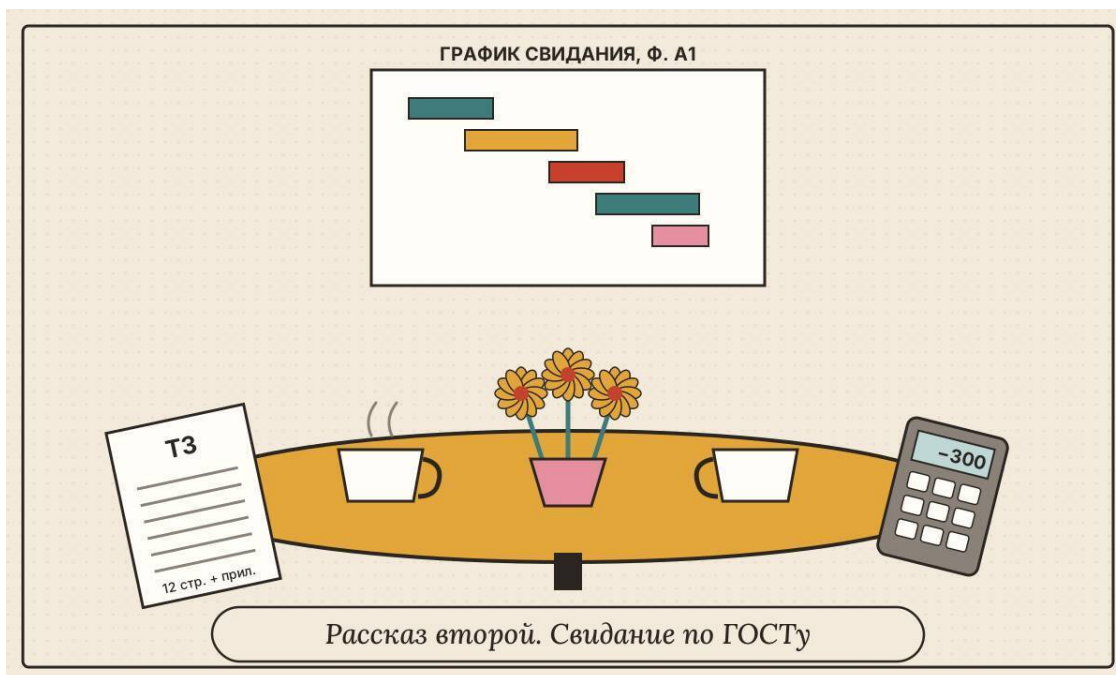
В настоящее время рассказ находится в бухгалтерии, где его используют как подставку под монитор. Бухгалтерия передаёт Вам благодарность: монитор стоит ровно.

С уважением, редакция.

— Подставка, между прочим, тоже признание, — сказал Аркадий. — Они его оставили себе.

Зинаида Павловна вздохнула и взяла следующий рассказ. Ей было почему-то любопытно, как вообще можно написать свидание по ГОСТу. Это любопытство потом обошлось ей в целую ночь.

Рассказ второй. Свидание по ГОСТу

Олег Кирпичников, тридцать один год, ведущий инженер-проектировщик проектного института «Гипрочто-то», никогда не делал ничего без технического задания.

Даже в детский сад он, по словам мамы, пошёл только после того, как воспитательница письменно изложила ему распорядок дня. В школе он сдавал сочинения с приложением в виде пояснительной записки. На выпускной пришёл с планом эвакуации актового зала. Девушки на выпускном к нему не подходили. Пожарный инспектор подошёл и пожал руку.

К тридцати одному году Олег спроектировал четыре торговых центра, два моста, детскую поликлинику и один очень красивый общественный туалет, который получил областную премию. А вот на свидании не был ни разу.

— Олежек, — говорила мама каждое воскресенье по телефону, — ты хоть бы с кем-нибудь познакомился.

— Мама, у меня нет исходных данных.

— Каких данных, сынок?

— Исходных. Без исходных данных нельзя начинать проектирование. Это же азы.

Мама вздыхала и записывала его на сайт знакомств сама. Там она указала: «Хороший мальчик. Непьющий. Умеет считать нагрузки. Мама на связи».

Ответила одна девушка. Её звали Вера Сметанина, двадцать девять лет, сметчица. В анкете у неё стояло: «Ищу серьёзные отношения. Несерьёзные отношения не прохожу по смете».

Олег прочитал анкету шесть раз. Потом позвонил маме.

— Мама. Мне нужна консультация.

— Наконец-то! Пригласи её в кафе, сынок. Подари цветы. Будь собой.

— Быть собой — это не методика, мама.

— Ну тогда делай как умеешь.

И Олег сделал как умел.

Подготовка

На подготовку ушло три недели. Олег составил:

Техническое задание на свидание (12 страниц, с приложениями).

Календарный план-график (диаграмма Ганта, распечатанная на формате А1).

Перечень критических рисков с мерами по их снижению (в том числе риск «она опоздает», риск «я опоздаю», риск «пойдёт дождь» и риск «я скажу что-нибудь не то», последний — с пометкой «высокая вероятность»).

Ситуационный план кафе с указанием путей эвакуации.

Акт приёмки свидания (в двух экземплярах, для каждой из сторон).

ТЗ начиналось так:

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Настоящее техническое задание определяет требования к проведению свидания между Заказчиком (Кирпичников О. И.) и Второй стороной (Сметанина В., отчество уточнить).

1.2. Цель свидания: установление взаимной симпатии в объёме, достаточном для назначения второго свидания.

1.3. Продолжительность: 2 часа ± 15 минут. Превышение допускается по согласованию сторон.

1.4. Свидание выполняется в один этап. Поцелуй на данном этапе не предусмотрен. Предусмотрено рукопожатие (допускается замена на объятие при наличии сигналов со стороны Второй стороны, см. Приложение Г «Сигналы»).

Приложение Г было самым толстым. Его Олег составлял по книгам по психологии, двум романам и одному сериалу, который ему посоветовала коллега из отдела вентиляции. Главный вывод приложения Г звучал так: «Если она смеётся — это хорошо. Если она смеётся долго — уточнить, над чем».

Накануне свидания Олег не спал. Он пересчитывал бюджет. Бюджет свидания составлял 2 400 рублей, включая непредвиденные расходы в размере 10 процентов. На цветы выделялось 600 рублей. Олег купил хризантемы — по нормативу они стояли дольше всего.

Начало работ

Кафе называлось «Уют». Олег пришёл за сорок минут, чтобы провести обследование объекта. Он измерил расстояние от столика до выхода, проверил устойчивость стульев и попросил официантку показать сертификат на огнетушитель. Официантка показала. Огнетушитель был просрочен на два года. Олег сделал пометку в журнале замечаний.

Ровно в 19:00 вошла Вера.

Она была невысокая, в очках, с короткой стрижкой и большой сумкой через плечо. Сумка была тяжёлая и угловатая. Олег по форме определил: внутри калькулятор, папка с документами и, возможно, сборник единичных расценок.

— Олег? — спросила она.

— Кирпичников Олег Игоревич, — встал Олег. — Заказчик. Прошу. Это вам.

Он протянул хризантемы. Вера взяла их, понюхала и, к его ужасу, достала из сумки калькулятор.

— Хризантемы, семь штук, — сказала она, нажимая кнопки. — Сейчас сезон, оптом они по восемьдесят. В рознице по сто двадцать. С упаковкой — девятьсот. Вас обсчитали на триста рублей.

— Я... — Олег побледнел. — Я заложил шестьсот.

— Значит, перерасход пятьдесят процентов. — Вера посмотрела на него поверх очков. — Это вы откуда брали?

— Из непредвиденных.

— Из непредвиденных — это правильно, — одобрительно кивнула Вера. — Хоть кто-то не забывает про непредвиденные. Садитесь.

Олег сел. Сердце у него стучало так, что, если бы его подключили к датчику вибрации, сработала бы сигнализация во всём здании.

Основные работы

— Я подготовил техническое задание, — сказал Олег и положил на стол папку. — Чтобы мы понимали, чего ожидать.

Он ждал, что она засмеётся. По приложению Г смех был допустим, но долгий смех надо было уточнять.

Вера не засмеялась. Вера открыла папку, достала карандаш и начала читать. Читала она быстро и профессионально, иногда делая пометки на полях. Через десять минут она закрыла папку.

— Ну что, — сказала она. — Неплохо. Но есть замечания.

— Замечания? — Олег сглотнул.

— Пункт 1.3. Продолжительность два часа. Вы не учли, что кафе закрывается в 21:00. Значит, остаётся час пятьдесят восемь, с учётом того, что мне нужно две минуты, чтобы надеть пальто. Это раз.

— Учту.

— Пункт 1.4. Рукопожатие. Вы же понимаете, что рукопожатие на свидании — это ниже нормативного уровня? Нужно хотя бы «приятно было познакомиться» с улыбкой. Вы вообще улыбаться умеете?

Олег попробовал. Вера посмотрела.

— Требуется доработки, — сказала она. — Но потенциал есть. Пункт 3. Вы заложили на разговор о работе пятнадцать минут. Я сметчица, Олег Игоревич. На разговор о работе мне нужно минимум сорок. Иначе я не смогу рассказать про коэффициенты.

Олег почувствовал что-то странное. Это было тепло где-то в районе грудины, примерно в осях Б–В на уровне третьего ребра. По приложению Г это называлось «симпатия». Он отметил это в журнале.

— Расскажите про коэффициенты, — попросил он. — Пожалуйста.

И она рассказала. Она говорила сорок три минуты, с превышением норматива на три минуты, и Олег ни разу не посмотрел на часы. Она рассказала, как в прошлом месяце нашла в смете подрядчика бетон, который должен был быть доставлен на третий этаж вертолётom. Как однажды обнаружила, что подрядчик заложил стоимость покраски забора, которого не существовало. Как её все боятся на объектах, потому что она проверяет каждый мешок цемента.

— А вы? — спросила она. — Вы что проектируете?

— Мосты, — сказал Олег. — Торговые центры. И один туалет.

— Туалет?

— Общественный. В парке. Он получил премию.

Вера посмотрела на него очень внимательно.

— Подождите. Это тот, в Приморском парке? С фонтанчиком и стеклянной крышей?

— Да.

— Я делала на него смету! — Вера чуть не опрокинула чай. — Я весь проект помню! У вас там было вентиляционное решение — просто чудо! Я тогда ещё подумала: кто это так красиво считает воздухообмен?

Олег почувствовал, что тепло в осях Б–В распространилось до оси Г и выше, на уровень лица. По всей видимости, он покраснел.

— Это был я, — сказал он.

— Ну надо же, — тихо сказала Вера. — А я вас представляла пожилым дядькой с бородой.

— Я могу отрастить бороду, — быстро сказал Олег. — Если это требование.

— Не надо, — улыбнулась Вера. — Не в ТЗ.

Непредвиденные обстоятельства

В 20:15, согласно графику, должен был начаться этап «Десерт». Но тут сработал риск номер четыре: «Я скажу что-нибудь не то».

Олег, окрылённый, решил сделать комплимент. В ТЗ комплимент был предусмотрен, но формулировку он не прописал. Пришлось импровизировать.

— Вера, — сказал он с чувством. — У вас очень... очень правильная несущая способность.

Вера замерла с ложкой в руке.

— Что?

— Я имел в виду... — Олег лихорадочно листал приложение Г. Про несущую способность там ничего не было. — Вы выдерживаете нагрузки. Профессиональные. Вы надёжная. Как... как монолитный железобетон.

Вера смотрела на него долго. Олег мысленно уже составлял акт о срыве работ.

А потом она засмеялась. Громко, от души, так, что обернулись все посетители кафе и официантка с просроченным огнетушителем.

Она смеялась долго. По приложению Г это требовало уточнения.

— Простите, — сказал Олег. — Вы смеётесь... над чем?

— Надо мной, — выдохнула Вера, вытирая глаза. — Мне никто никогда не говорил ничего приятнее. Монолитный железобетон, Олег Игоревич. Я запишу.

Приёмка

В 20:58 Олег достал акт приёмки. Акт был заполнен заранее, кроме графы «Оценка». Он протянул его Вере дрожащей рукой.

Вера прочитала, взяла ручку и что-то вписала. Потом подписала, вернула ему экземпляр и ушла надевать пальто. Ей нужно было на это две минуты.

Олег посмотрел. В графе «Оценка» было написано: «Работы приняты с замечаниями. Замечания устранить на втором свидании. Срок — суббота, 15:00. Место — Приморский парк. Объект — туалет с фонтанчиком (осмотр). Ответственный за пирожки — Сметанина В. А. (отчество: Андреевна)».

Олег сложил акт и положил его во внутренний карман. Поближе к осям Б–В.

Ввод в эксплуатацию

Через полтора года они поженились.

Свадьбу проектировали вместе. Олег отвечал за планировку зала и схему рассадки гостей (с учётом конфликтных родственников и минимальных расстояний между ними). Вера отвечала за смету. Смета прошла экспертизу у трёх тётушек и одной свекрови и не получила ни одного замечания — впервые в истории семьи Кирпичниковых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.